

12+

Анастасия Редькина

Настоящая сказка

Правдивая история Бабы Яги

Анастасия Редькина

Настоящая сказка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66058304

SelfPub; 2021

Аннотация

Трогательная и добрая история. Главная героиня – современный прототип Бабы Яги, нелюдима и чопорная старуха, которая проживает в маленькой квартирке обычного многоэтажного дома. Ее избегают соседи, а единственная подруга – весьма самостоятельного вида кошка. Но однажды в подъезд вселяются новые жильцы, и устоявшаяся жизнь старухи трещит по швам. Из прошлого рвутся страшные тайны, и уже не понятно, сказка это или суровая реальность... Героине предстоит искупить грехи юности, совершенные во время Второй мировой войны, а история Бабы Яги преподносится, как сказка для маленькой больной девочки.

Анастасия Редькина

Настоящая сказка

– Пошевеливайся, лентяйка. Ждать не буду. Холодно, – ворчливо бросила старуха вполоборота, прибавив шагу, и ёжась от ледяного ветра.

Трехцветная Кошка, неторопливо вышагивающая следом за ней, невозмутимо махнула хвостом, и даже усом не повела. Тогда старуха остановилась посреди аллеи, усыпанной желтыми листьями, и обернулась, нетерпеливо постукивая остроконечным мыском потертой коричневой туфли. Кошка, ничуть не меняя темпа, подошла, и села, подняв на старуху пронзительно-болотные, круглые, как пятаки, глазищи.

– Издеваешься?

Вопрос, видимо, считался в их паре риторическим. Протяжно вздохнув, старуха плотнее запахнула воротник зелёного, выдавшего виды, пальто, и продолжила путь, замедлив, однако, шаг. Какому-то праздному наблюдателю могло показаться, что Кошка, едва заметно, но вполне удовлетворенно, кивнула, встала и пошла рядом, лениво помахивая разноцветным хвостом. Но ему, разумеется, показалось.

Они жили вместе давно. Хотя, понятие «вместе», в данном случае, плохо отражает истинную суть этой связи. Они

продолжались друг в друге, составляя единое целое. Порой, им не нужно было слов, хватало одного взгляда, поворота головы, легкого движения телом. Настоящий кошмар одинокой женщины – старость и Кошка. Но кто бы посмел сказать им это в лицо?

Старуха никому не доверяла. Мяла скрюченным артритом пальцем свежий хлеб в булочной. Всегда, без исключений, пересчитывала сдачу. Носила свой древний ридикюль, крепко вцепившись в него, словно ожидая, что его в любой момент могут выхватить из ее сухих, покрытых морщинами, рук. Смотрела только прямо перед собой, гордо задрав длинный, с горбинкой, нос. Соседи считали ее сумасшедшей, но боялись. Даже лебезили. Встречая у подъезда, бормотали заискивающе «зрааассти, Ядвига Яновна» глядя в пол. Все знали, как ее зовут, хотя она не могла припомнить случая, чтобы с кем-нибудь знакоилась. Кошку же звали просто Кошка. Но чувства собственного достоинства в ней было ничуть не меньше, чем в хозяйке.

Никто не помнил, откуда эта парочка взялась. Даже закоренелые старожилы подтверждали – когда бы они не вселились в этот старый, давно нуждающийся в сносе, дом – Ядвига уже жила там. В компании Кошки. Множились и разбегались, передаваясь из жарких уст в напряженные, любопытные уши, слухи. Похоже, что она беглая полячка. Уж, наверное, из королевских – только на осанку посмотрите! Кажется, ей скоро сто лет. Вроде бы, муж погиб. Поговаривают,

был сын – да исчез...

Ни один из слухов не был правдой. Но и откровенной лжи сочинять боялись. И вообще, проходя мимо двери квартиры с номером 6, на всякий случай через плечо плевали – а то и крестились. Кто ее знает, эту бабку.

Новые соседи в их доме были редкостью. Эти захудалые квартирники на окраине цивилизации трудно продавались, ещё труднее покупались, хоть и стоили, по городским меркам, бесценок. Аварийный дом, неопределенное будущее. Поэтому, когда у первого подъезда остановился грузовик, и весёлые рабочие засновали туда-сюда с коробками и комодами, весь двор замер в нетерпении. Ждать пришлось не долго. Вслед за вещами прикатила старенькая красная машинка с новыми жильцами. Молодая женщина, симпатичная, с грустными, уставшими глазами. Мужчина, высокий, худой, как жердь, и заросший щетиной. А с ними – девчонка лет семи. Такая худенькая, прямо прозрачная. Два синих банта, тоненькие косички, скрученные баранками, застиранное платье в цветочек на плечах, как на вешалке болтается. Коленки сбитые, а на лице одни глаза – огромные, зеленые, с желтыми крапинками. Необыкновенные глаза, такие раз увидишь – не забудешь. Хоть и сама – мышонок серенький, неприметный.

Соседи оказались тихие, неудобств не доставляли, да и в целом, жили нелюдимо. Мужчина пропадал на работе, приезжал поздно. Женщина же сидела дома, лишь изредка выходила до магазина, крепко держа дочь за руку. Во двор

девочку гулять не отпускали, а может, сама не хотела – кто ж знает. Жизнь шла своим чередом.

Однажды вечером, в конце осени, Ядвига Яновна возвращалась домой с ежедневной прогулки. Кошка вальяжно выхаживала чуть позади, помахивая хвостом. Старуха двигалась стремительно, прямая, как струна, глядя строго перед собой, сжимая в узловатых пальцах сумочку, и что-то бормотала себе под нос. В общем, все шло своим чередом. Если бы около входа в подъезд не произошла одна забавная вещь.

– Ой, какая хорошая киска!, – пискнул тоненький голосок.

Изумленный взгляд кошки мог стать достойной иллюстрацией самого страшного кошачьего кошмара. «Хорошая киска» не успела даже сказать «мяу», как оказалась в объятиях чьих-то хрупких рученок. Старуха обернулась, поискав глазами неожиданный источник раздражения, и увидела маленькую девочку. Та сидела на корточках возле застывшей, как истукан, от такой фамильярности, Кошки. Обе тарачили друг на друга зелёные глазища.

Ядвига Яновна кашлянула. Потом ещё раз, и ещё. Никакого эффекта не последовало. Никто не бросился врассыпную, как обычно это делали соседские мальчишки-хулиганы. Не отошли в спешке, пряча глаза, как местные кумушки, собирающие про неё сплетни. Не опустили голову, буркнув «Здрасссссти», как спешащие мужики у лифта. Непорядок. Пришлось прояснять ситуацию.

– Ребёнок, отпусти Кошку. Ей неприятно.

Девочка, удивлённо, подняла глаза, не разжав, впрочем, объятий.

– Разве обниматься бывает неприятно?

– Ещё как. Особенно с не знакомыми. Заведи себе хомячка, и с ним хоть облизывайся.

– Так это разве ваша кошка? Я думала, она сама по себе гуляет...

Тут Кошка скосила глаза на старуху, и любому праздно зевающему прохожему бы померещилось, что взгляд ее торжествовал. Но прохожих рядом не было, а Кошка перевела чуть более благосклонный взгляд на ребёнка. Ядвига хмыкнула неопределённо.

– Сами по себе только блохи заводятся. У тебя, девочка, есть блохи? – и старуха обвела ребёнка оценивающим взглядом.

– Думаю, нет. Не уверена..., – задумалась девчонка, чем свергла Кошку в очередной культурный шок.

– Ну вот выясни, для начала, а потом уже обнимайся с посторонними котами. А лучше заведи своего..., – разговор начинал Ядвигу утомлять, хотелось домой. Налить чаю, сесть в любимое, потертое кресло с деревянными подлокотниками...

– Мне мама не разрешает. Ни кота, ни кошку, вообще никого...

– Какая неприятная женщина твоя мама. Кстати, где она!

Ребёнок гуляет один, пристаёт к кому ни попадя...

– Да нет, что вы! Моя мама – очень приятная! Она самая добрая на свете. Мама в магазине гречку купить забыла, вот оставила меня тут, сама обратно побежала. Просто мне животных заводить нельзя...

– Аллергия?, – насмешливо скривилась старуха, – так все родители детям врут, когда не хотят животных заводить.

Девочка отпустила, наконец, кошку, и поднялась в полный рост, сдвинув на лоб съехавший, ярко красный, явно самодельный, вязаный берет. Она была очень худая, просто прозрачная. Тонкие, с выпирающими косточками, запястья торчали из рукавов давно ставшего маленьким пальтишка. Кончик остренького, как у лисички, носа покраснел, то ли от злости, то ли от смущения. Кошка, пользуясь возможностью, запрыгнула на первую ступеньку перед входом в подъезд, подальше от странной девочки.

– Моя мама никогда не врет! Просто я болею очень редкой болезнью, у меня неправильная кровь. И Мама боится лишних инфекций в доме. Даже гулять мне не позволяет...

Ядвига Яновна замерла на несколько секунд, уже занеся ногу над ступенькой. Обернулась, осмотрев девочку ещё раз с ног до головы. Затем, равнодушно пожав плечами, устремилась в подъезд, приоткрыв дверь сначала Кошке. Перед тем, как ее захлопнуть, обернулась, поддавшись какому-то неопределённому порыву, и сухо бросила девочке:

– Ну, пока.

Малышка улыбнулась, и помахала рукой, глядя, конечно, на Кошку, а не на старуху.

С того самого дня жизнь Ядвиги Яновны изменилась. Точнее, приобрела некоторый странный вектор, отстраненный интерес. Она сама бы никогда себе в этом не призналась. Да что там говорить, старуха плюнула бы презрительно на ботинок тому, кто посмел заподозрил ее в таких глупостях. Но факт остаётся фактом: она стала следить за соседями. Точнее, за девчонкой.

Утро начиналось обыденно. Ядвига вставала рано, варила себе и Кошке кофе. Себе жгуче чёрный, Кошке – с молоком, в красивое фарфоровое блюдце. Завтракали за кухонным столом. Старинная, явно антикварная чашка и блюдце торжественно ставились на льняные, ручной работы салфетки. Еды к завтраку не полагалось – рано ещё. Пили кофе в тишине, под размеренный стук маятника древних часов с кукушкой, чинно стоявших в углу. Когда нахальная птица выскакивала наружу, оповещая о том, что пробило 7 – обе сожительницы вздрагивали от неожиданности. И Кошка бросала на кукушку такой взгляд, что та, отгарабанив рабочую программу, спешила скрыться подальше, в безопасности часов, от этой маньячки. Ядвига насмешливо цокала языком: – Даже не надейся.

Кошка щурила зелёные глазища, и сердито мела хвостом. Мол, посмотрим. Кукушка в часах бесшумно молилась всем своим кукушечьим богам.

Затем, пушистая хамка запрыгивала на подоконник, и, глядя во двор, нагло оповещала:

– Мяу.

Ядвига, стараясь скрыть любопытство, уточняла:

– Вышли?

Кошка задумчиво сужала зрачки в две тоненькие щелочки. Вышли, значит. Старуха подходила к окну, и всматривалась в спину женщины с ребёнком, выходящих из подъезда. Они с кошкой уже знали: идут в поликлинику. Как-то удалось подслушать случайный разговор. Вернутся, значит, около девяти.

Цепкий взгляд Ядвиги Яновны подмечал все. И старую, поношенную одежду. И потертые ботинки. И усталые, запавшие глаза женщины. И стыдливо заштопанные локти на пальто у девчонки. А особенно – то, как крепко держит мать ее за руку. Не отпуская ни на минуту. От этого в груди разливалось что-то едкое, жгучее, непривычное, от чего хотелось тут же отойти от злосчастного окна. Но ноги не шли. А ладонь тянулась к единственному другу на всем свете – к Кошке, которая такое панибратство, в целом, считала оскорбительным. Но в эти утренние минуты терпеливо сносила короткое, сухое, еле ощутимое прикосновение к своей драгоценной шерсти.

Когда парочка скрывалась за углом, начинался второй акт утренней пьесы. Мужчина выходил на работу. Это зрелище было забавным, и уже не вызывало болезненной этой

жажды. Скорее, типично женское, снисходительное ехидство, присущее всем одиноким и самостоятельным дамам зрелых лет. Вначале он выбежал в одних тапочках на босу ногу, суетливо кутаясь в куртку. Заводил машину, часто не с первого раза. После каждой неудачи наблюдательницы иронично переглядывались. Затем, достигнув успеха, Мужчина возвращался домой. И выходил минут через десять, уже одетый в коротковатые брюки и коричневый свитер. Сверху накинуто все та же куртка, на ногах все те же тапочки. Подходил к машине, прикуривал сигаретку.

В эти секунды Ядвига Яновна судорожно начинала шарить по карманам строгого домашнего платья, потом уже вспоминала, что не курит больше. После, Мужчина садился в машину и отъезжал от подъезда, затем лишь, чтобы через минуту вернуться, и, бормоча проклятия, и прожигая взглядом старенькие наручные часы, унести́сь домой. И выбежать снова, обутом в коричневые ботинки. Затушить недокуренную сигарету, прыгнуть в тархтящую из последних сил машину, и укатить уже, наконец, на свою неведомую работу. Такой концерт повторялся чуть ли не через день, и утренний наблюдательный пункт, порой, превращался в тотализатор. Ставки делала и принимала Ядвига Яновна. Кошка благосклонно поощряла.

Своё патологическое любопытство старуха объяснить, конечно, могла. Слишком многие, запекшиеся от времени, но ничуть не затянувшиеся, раны начали кровоточить

с того злополучного знакомства. Но делиться своими, покрывшимся плесенью, тайнами, она не собиралась. Отнюдь. Слишком много воды утекло. Слишком много кирпичей потрачено на возведение этой стены, отделяющей мир ее прошлого от мира реального, современного. Но эта девчонка... Такие яркие глаза они с Кошкой за всю свою долгую жизнь встречали один-единственный раз. Ядвига потом специально вглядывалась в соседские. Что у женщины, что у мужчины, такого цвета не наблюдалось. Обычные, ничем не примечательные, серо-зелёные. А у этой... Пришлось даже достать из пыльной шкатулки старый перстень с огромным изумрудом. Оттенок точь-в-точь. Хоть и воспоминания он будил не радостные, однако Ядвига надела его на привычный, левый безымянный палец, и рука знакомо заныла от такой забытой, за долгие годы, тяжести.

Шли недели. Осень, протестуя нервными, мокро-снежными, ветреными истериками, все-же, неизбежно, перетекала в зиму. Наблюдение переросло в привычку. Странную, но безобидную. Однажды, сумрачным декабрьским утром, Ядвига стояла у окна, уже без лишнего стеснения поглаживая Кошку. Женщина и девочка вышли из подъезда, взявшись за руки, было видно только их ссутулившиеся, в попытке согреться, спины. Внезапно, порывом ветра, с женщины сорвало и бросило под ноги, в беспощадную, провинциальную кашу из дождя и снега, ее берет. Единственный головной убор, на сколько могла судить невидимая наблюдательница. Жен-

щина замерла, потом медленно отпустила руку дочери, присела на корточки рядом со злосчастной шапкой, и заплакала. Горестно, беззвучно, не вытирая слез. Так плачут, когда наступают на последнюю черту самообладания. Так изливают из себя последние капли мужества и терпения.

Девочка стояла и ждала, неподвижно, положив матери руку на вздрагивающее от рыданий плечо. Затем обернулась, и, впервые заметив Ядвигу в темноте оконного проема, помедлив, помахала приветственно ладошкой. Возможно, Кошке. Даже, в общем-то, скорее всего. Старуха прикрыла глаза, завернувшись плотнее в пуховый платок, и отошла в глубь кухни. Кошка же продолжала таращить во двор свои пронизательные, какие только у Кошек бывают, глаза.

На следующее утро соседи не вышли из дому. Два приема кофе и даже первый завтрак давно прошли. В поликлинике наступил и закончился обеденный перерыв. Кошка не отходила от окна, Ядвига сохраняла деланное равнодушие, но, то и дело, подходила к подоконнику. То занавеску поправить, то полить засохшую давно герань.

К вечеру к подъезду подкатила, дребезжа ржавыми внутренностями, районная скорая. У Ядвиги защемило сердце от дурного предчувствия. Неопределённого возраста усталая врач, тяжело вздыхая, вывалилась из кабины и направилась к дому. За ней плёлся санитар с кислой миной. Минуты тянулись томительно. Старуха стояла неподвижно, постукивая узловатыми, сухими пальцами по подоконнику. Из подъез-

да показался санитар, ещё более недовольный, чем в начале визита. За собой он тащил носилки. Женщина-врач придерживала дверь подъезда с таким видом, будто ее вообще это не касается. Их фигуры загораживали обзор, и было не понятно, кого несут. Когда показался второй носильщик, усталое сердце старухи бухнуло о грудную клетку и замерло, пропуская удар. И ещё удар. Мужчина из соседней квартиры, с красными глазами, хмурый и не бритый, худыми побелевшими пальцами вцепившись в ручки, помогал санитару. Кошка, коротко и вопросительно мяукнув, обернулась на Ядвигу.

– Да не вижу я ничего! Загородили, идиоты!..

В голосе старухи промелькнуло отчаяние пополам с горечью. Ну зачем, для чего ей вот это сейчас! Когда, казалось, все в прошлом. Когда кошмары, преследовавшие ее каждую ночь, стали чуть менее цветными, как старая киноплёнка. Когда злость, ядовитая, желчная, пропитавшая когда-то все ее существо, перестала плескаться, а похожа стала на озерную гладь – иногда покрываясь легкой рябью раздражения, но уже не вздымаясь волнами, не отравляя пенными своими гребнями разум. А теперь, из-за этих чертовых соседей, ее сердце кровоточило, а душа – ведь была же у неё душа! – покрывалась иголками ненависти и бессилия, как и тогда, давным-давно.

Носилки погрузили в машину, и скорая отъехала, громко скрипя своими натруженными за долгую службу суставами. Мужчина стоял на улице, в дырявых тапках на босу ногу, и

смотрел ей вслед. Все стоял и стоял. Его густая, взлохмаченная шевелюра уже побелела, покрываясь тонким слоем снега, сыпавшего сегодня с утра не переставая. А он все стоял, словно мог что-то изменить.

Ядвига уже ушла в комнату, устав волноваться, когда задребезжал дверной звонок. Кошка и женщина недоуменно переглянулись. Ошибся кто-то? Обе не помнишь случая, чтобы к ним добровольно приходили незнакомцы. Обычно даже почтальон обходил квартиру номер 6 стороной, да и писем сюда не присылали. А надоедливые газетенки и рекламные листовки, неизменно, высыпались из рук, и разлетались по всей лестнице, как только ему приходила мысль предложить их Ядвиге. Почтальон собирал их, то неумело осеняя себя крестом, то чертыхаясь и сплёвывая через плечо. Старуха иногда развлекала себя этим зрелищем через дверной глазок.

Теперь же звонок звучал настойчиво, требовательно и нервно. Хозяйка пошла открывать. На пороге стоял, смущенный и растерянный, мужчина из соседней квартиры. Ядвига вопросительно посмотрела на него, сохраняя при этом деланное равнодушие. Не смотря на личную заинтересованность, репутация прежде всего.

– Эээ... Добрый день. Вечер. День. Не важно, – с ходу запутался сосед, и мучительно покраснел даже сквозь давнюю

небритость.

Ядвига сдержанно кивнула в знак приветствия, на порог мужчину не приглашая, но и дверь не закрыла. Ждала.

– Я тут вот что... Вы извините, Бога ради! Я сосед ваш.

Ядвига поморщилась при упоминании высших сил, как от зубной боли. Отношения с Богом у неё были специфические, что уж говорить. Мужчина, ещё более смущенный из-за отсутствия хоть какой-то реакции, продолжил:

– У меня беда случилась, понимаете? Нину забрали... Маша осталась! А мне что делать? Пол дня уже и так из зарплаты вычтут... А у Нины лихорадка, сказали – воспаление легких. Увезли! А мне на работу надо... С Машкой что? Не с собой же! Больничный возьму – уволят. Уволят – лекарства не купим, обострение начнётся, рецидив... Господи. Что я вам-то это все... Извините. Правда, извините. Я пойду, до свидания!

Он уже развернулся, чтобы вернуться к себе, когда старуха обрела дар речи.

– Маша – кто? Нина – где? Извольте выразаться яснее, молодой человек. Иначе мне никак не удастся вам помочь.

Сосед облегченно выдохнул, почувствовав надежду, и затараторил:

– Ниночка, жена, заболела. Всю ночь горела, бредила страшно, утром рано скорую вызвал. После обеда дождались – так она уже без сознания лежала. Ее в больницу увезли! А Машка – дочка, ей 6 лет. Она болеет, но она не заразная.

Ей в садик нельзя, там инфекции... Мне на работу нужно, как я ее брошу... Вот я и подумал, что вы... что она... что с вами... В общем, вот..., – выпалил это на одном дыхании, и стоит, ждёт приговора, как провинившийся мальчишка.

Дети, какие же они, в сущности, ещё дети... Ядвига стояла молча, тщательно скрывая за суровой маской облегчение, накрывшее ее тёплой, почти болезненной волной после слов мужчины. Мама, не девочка. Все равно, конечно, беда. Но не ещё один ребёнок. Только не это.

– Хорошо, ведите этого вашего ребёнка. Но не думайте, что я вам тут нянька. Посидеть посижу, но сюсюкаться – увольте...

Старая добрая, исправно работающая привычка – отстранится, не называть по имени и не прикасаться к чужим детям. Слишком больно, слишком остро потом их отпускать.

– Вы серьезно? Правда? Я сейчас!

Сосед опрометью бросился в свою квартиру, и через минуту появился вновь, таща за руку уже до каждой веснушки знакомую девчонку. Подвёл к старухе, присел перед дочерью на корточки:

– Машунь... Остайся с бабушкой, ладно? Она добрая, у неё вон, киска какая милая! (На этих словах «милая киска», выглядывающая из-за двери, скосила глаза к переносице от возмущения). А мне на работу бежать нужно, потом к маме в больницу, я вечером приеду. Хорошо? Будь умницей!

И, клюнув дочь в щеку после этого воодушевляющего напутствия, мгновенно унёсся на улицу заводить свою колымагу, словно боялся, что Соседка передумает.

Машенька не выглядела испуганной или растерянной. Она только устало и очень по-взрослому вздохнула, пробормотав себе под нос: «Снова в тапочках ускакал...», чем моментально завоевала расположение и старухи, и Кошки. Обе молча посторонились, впуская девочку в дом.

Девочка осторожно, почти на цыпочках обходила комнаты. Старуха преследовала ее по пятам, но держась в стороне, наблюдая. Комнат было две – гостиная и спальня. И ещё, конечно, кухня. Вся квартира была заставлена старинной мебелью, поверх которой тут и там лежали кружевные салфеточки и льняные скатерти. Пузатый, с дутыми дверцами комод. Часы с кукушкой. Стулья, высокие, с резными спинками и мягким сиденьями, обтянутыми шелковистой тканью – Маша осторожно, одним пальчиком потрогала и тут же отдернула руку – ещё испачкаются.... Да и в целом, обстановка была вызывающе буржуазная, без советского шика. Даже ковров на стенах, вопреки сомнительной моде, не было, как и телевизора, и даже радио. Девочка мигом обратила на это внимание:

– А почему у вас нет телевизора?

Ядвига хмыкнула, но ответить соизволила:

– А зачем он мне?

– Ну... новости страны узнавать, мира... фильмы смот-

реть! Мы с мамой всегда вечером смотрим.

– Новости, говоришь... а зачем мне их знать. Я в окно все новости вижу. В магазин иду – и тоже вижу. А остальное – пыль. Что мне нужно, то я и так ведаю, без всяких ваших ящичков бесовских. Хотя, конечно, умеют делать, черти, когда надо мозги запудрить. Даже уважаю.

Девочка помолчала. Потом спросила:

– А вас как зовут?

– Ядвига Яновна.

– А меня – Маша... а почему у вас такое имя необычное?

Как из сказки?

Ядвига и Кошка переглянулись. Вот девка-то...

– Так кто ж его знает. Ладно, пойдём руки мыть и чай пить. Отец-то, поди, и покормить тебя забыл?

Обедали в тишине. Девочке предложено было молоко, белый хлеб с маслом и какое-то интересное варенье – хозяйка сказала, из сосновых шишек. Сама же она с Кошкой, по обыкновению, пили кофе. Кукушка, выглянув на ежечасную побудку, поперхнулась своим первым же «Куку». Впервые, за всю ее долгую, антикварную жизнь, в этом доме принимали гостей. Чудные дела творятся!

Маша жевала, задумчиво качая под столом тоненькой ножкой. Потом спросила, незаметно перейдя на ты, и звучало это уместно и правильно, как звучит только от очень маленьких детей, разговаривающих с очень-очень взрослыми тетями:

– А у тебя дети есть?

Ядвига сжала фарфоровую чашку в артритных пальцах так, что казалось, та сейчас лопнет.

– Нет, – ответ бросила сухо, как горсть гороха на мерзлую землю.

– А почему?, – не отставала девочка, прихлебывая молоко.

Кошка от такой наглости просто онемела. Если кошки вообще способны онеметь. Кукушка, подслушивающая за дверцей часов, и вовсе слегла с птичьим инфарктом.

– Не люблю детей. Представь себе. Раздражают.

Маша нахмурилась, на маленьком личике отразилось недоверие.

– Это же не правда! Ты добрая. Ты каждый день меня в поликлинику из окна провожаешь! Я знаю, я видела. И мама видела! Разве так делают те, кто детей не любит? Мама говорила, что ты, наверное, скучаешь по своему ребеночку. Раз все время на меня смотришь! Но ведь ты уже старенькая... Значит, твой ребёнок уже совсем взрослый! Ты не думай, я не глупая, хоть в школу и не хожу – а жизнь понимаю лучше взрослых. Это про меня так Папа говорит, когда думает, что я сплю и не слышу.

Кошка посмотрела на девочку с таким уважением, словно увидела чудо. Старуха же не удивилась вовсе. Только сидела молча, глядя в удивительно-зелёные глаза этого стран-

ного ребёнка. Посланного ей сейчас, в конце такой долгой, такой неприлично долгой жизни, то ли в радость, то ли на беду. И ей было спокойно. Наверное, впервые. Странное чувство... Не нужно прятаться. Не нужно строить ледяную стену холода. Маленькая девочка смотрела внимательно, не отводя взгляда. Ждала ответов на свои вопросы. Ядвига вздохнула, и, осторожно, как будто боясь обжечься, погладила ее по волосам.

– Ты, действительно, очень умная девочка. Но время позднее, тебе давно пора спать. У тебя был тяжёлый день. С мамой, я уверена, все будет хорошо. А папа приедет поздно. Пойдём, ляжешь у меня в спальне.

Маша молча кивнула и безропотно пошла за старухой.

Перестелив постель, взбив пышные подушки и выдав девочке огромную, станинного вида ночную рубашку, Ядвига Яновна приказала ей ложиться. Когда складывала и развешивала на спинке стула потертые, штопаные-перештопаные детские вещи, сердце ёкало, а глаза предательски жгло. Предательница Кошка, не долго думая, запрыгнула к девочке на постель, уютно устроившись на одеяле, и даже (возмутительно!) позволяла детским ручкам гладить себя по голове. Того и гляди, заурчит, как обыкновенная дворовая Мурка... Что с ними делает этот ребёнок?

– А ты расскажешь мне сказку? Расскажи, пожалуйста! Мама всегда рассказывает мне сказки, но они всегда не настоящие. Там все танцуют на балу, а потом женятся и живут.

Долго и счастливо.

Ядвига хмыкнула себе под нос. Знакомая история. Все детские сказки заканчивались одинаково. Враньё для идиотов. Один Андерсен писал правду, но и его правдивые истории урезали, кастрировали и вывернув на изнанку преподносили детям на блюдечке. Жаль.

– А ты какую же сказку хочешь? Страшную?

– Нет. Настоящую. Где люди живые. А не.... конфетные! Расскажешь?

Старуха тяжело опустилась на стул рядом с кроватью, и долго-долго смотрела в темное окно. На улице шёл снег, падал, кружась, огромными хлопьями, и на подоконнике по ту сторону окна медленно рос сугроб. Совсем как тогда, в ту страшную ночь. Когда она бросила своего единственного сына. А сейчас, в ее постели сидела в подушках маленькая, почти прозрачная девочка, и ждала настоящую, правдивую сказку.

– Ну, что ж. Я расскажу тебе сказку. Про бабу Ягу. Только обещай слушать молча, и не перебивать.

«В одном, не очень далёком от нашей страны королевстве, но очень-очень давно, жила-была Баба Яга. Только тогда она была совсем не баба, а скорее девчонка. Сватался к ней жених. Всем хорош – статный, гордый, честолюбивый. Настоящий шляхтич. Звали его – Кощей. На военной службе числился, хоть и молод – но уважаем был в том королевстве.

Пани Яга на ухаживания согласилась, свадьба была пышная и богатая. А через год родился у них сынок. Красивый, как солнышко! Светлокудрый, кожа белая-белая, а глаза! Огромные, зелёные-зелёные, словно два изумруда сверкают.

Не могли нарадоваться родители на мальчика! За такого ладного сына подарил Кощей Яге перстень волшебный, с камнем, по цене, равной половине того королевства, да сережки к нему – как еще половина.

Но прошло пару лет, и стал их мальчишка болеть да хиреть, а потом и вовсе слёг. Потухли глазоньки изумрудные, ручки его белые стали тоненькие, как прутики ивушка. Созвал тогда Кощей всех врачей королевства, и приказал узнать – что за болезнь такая, что за проклятие. И сказали врачи в один голос, что кровь у наследника, хоть и голубая, да плохая. И если всю кровь мальчику не заменить на новую, здоровую, то так и умрет он скоро, в боли да мучениях, не прожив и пяти лет. И никакого другого спасения от этого проклятия нет.

Страшное горе пришло в дом Яги и Кощей. Где же кровь взять здоровую? Как сына спасти?

Да не зря говорят: пришла беда – отворяй ворота. Нагрянула в их королевство война. Пришли воинов суровых чёрные полчища. Сами светловолосые, голубоглазые! На красных флагах крест, на квадрат похожий. Никого на своём пути не жалели, и жаждали поработить весь мир. Быстро сдалось королевство. Потому, что оказалось в нем много предателей,

которым хотелось встать в одни ряды с чёрным полчищем. А Кощей и его войско все сопротивлялись, не отдавая остатки земель. Пока однажды ночью к ним в дом не пришли послы с вражеского фронта, вежливые да хитрые, и предложили сделку.

– Видим мы, какой ты отважный воин, Кощей! Видим мы, как бьешься за свою землю. Но мы сильнее. Мы все равно уже победили, и ты это знаешь. Нам нужен такой генерал, как ты. Да погоди отказываться, зубы не скаль. Известно нам, что жена у тебя красавица, и сынок. Всем хорош сын, и на наших детей внешностью очень походит. Только болен сильно, того и гляди умрет. Подпиши с нами договор. И мы дадим тебе во владение такое место, где ты сможешь спасти своего сына. И станешь ты одним из нас.

Долго молчал Кощей. И Яга молчала. А Чёрные послы пододвинули к ним контракт с печатью в виде квадратного креста, и ушли. Тяжёлая была ночь, полная слез и сомнений. А к утру контракт с чертями был подписан.

Так они стали предателями. Так они получили надежду.

А потом приехала за ними машина, и увезла в закрытый страшный замок. И стал Кощей хозяином того Замка. А охраняли замок, подчиняясь ему, его бывшие однополчане, такие же предатели, и сторожили замок голодные цепные псы. И повсюду, повсюду развевались красные флаги, а на них, в белом круге, зияли, как клеймо, чёрные квад-

ратные кресты. Гербом замка была Мертвая голова: череп со скрещёнными костями, и этот символ полагалось носить всем обитателям.

А спустя некоторое время стали привозить в страшный замок пленных, и были это дети. Дети из разгромленных и покорённых королевств. Дети, не похожие на Чёрных воинов. Худые, бледные, изможденные. А с ними приехали доктора в белых халатах, назвали себя колдунами, и стали творить злое чародейство в подвалах замка.

А сын Кощея и Яги лежал в красивой комнате, на пышных подушках, в самой высокой башне – только там не было слышно криков и плача. И каждый день колдуны приносили ему новую, свежую, другую кровь. И переливали, переливали ее, вместо его собственной. Они пытались найти заклинание, чтобы победить проклятие – и научиться лечить людей с плохой, заколдованной кровью. И мальчику становилось лучше, его щеки порозовели, и он даже стал сам есть.

Так Кощей и Яга спасли своего ребёнка. Так они стали злыми волшебниками.

Только Кощей привык, ожесточился. Его гордое сердце сковало железным обручем, и он перестал чувствовать. Его высокомерные глаза закрыли стёкла равнодушия, и он перестал видеть чужую боль. Кощей видел только розовеющие щеки сына, и почёт и уважение новых хозяев королевства. А Яга... Она выдержала полгода. Чем больше умирало детей, тем хуже становилось ей. Чем больше была жертва

– тем меньше ей хотелось подниматься в башню. Она худела, сохла, и уже практически превратилась в старуху – Ягу стало невозможно узнать. А муж этого даже не замечал. Он был горделив, уважаем. Его хвалили за особые заслуги перед Чёрным войском.

И вот, однажды, зимней ночью, когда падал и кружился первый снег, опускаясь хлопьями, укрывая собой колючую проволоку по периметру замка, вырастая сугробами на маленьких окошках подземелий, приглушая стенания и крики пленников, Яга решила бежать. Она уже обладала достаточным количеством злой силы, чтобы обмануть охрану, незамеченной пересечь лес, прикинуться убогой нищенкой и уйти так далеко, как только смогла. Один раз только перед уходом она заглянула к сыну. Он спал... Как маленький ангелок, на высоких белоснежных подушках. Спасённый. Проклятый. Яга погладила его по белоснежным локонам, не осмелившись поцеловать, и ушла. Так и не увидев больше ни разу этих изумрудно-зелёных глаз.

Так Яга стала предательницей дважды. Так мать бросила единственного своего ребёнка.

Она долго скрывалась, жила под разными именами и личинами, в соседнем огромном королевстве. Там легко можно было затеряться. Она боялась и своих, и чужих. Боялась мести Кощея, боялась презрения сына. Мечтала узнать, что он жив – но не хотела знать, какой ценой.

... А потом война закончилась, и Чёрное войско про-

играло с позором! Светлые воины того королевства, где она пряталась, одержали Великую Победу! Но ей уже не было места ни в одном королевстве мира... Таких, как она и Кошечей теперь разыскивали, преследовали, и предавали страшному суду.

Прошло много-много лет. Яга состарилась, одряхла, и живет – тайно, тихо, защищая себя волшебными чарами. Она давно устала бояться, устала мучить себя воспоминаниями, да и вообще, устала жить. Но за грехи ей, видно, даровано было бессмертие.... Богом? Да есть ли он на свете, если допустил такой ад на земле...

И все, что осталось ей от той, далёкой жизни, все, что взяла она с собой, убегая в снежную ночь – верная Кошка да изумрудный перстень. Вот только серьги пришлось заколдовать – вместо них наворожить Избушку на курьих ножках со всей прилегающей обстановкой...»

... Машенька давно спала. Не дослушала свою «настоящую» сказку. Лежала, светлая и нежная, как цветок. Закрыв свои зелёные глазища, и сложив маленькие ладошки под щечку. Ребёнок, рождённый, чтобы медленно умирать. Ядвига Яновна сидела, боясь шелохнуться, не потревожить Машин хрупкий сон. Сзади раздалось тихое покашливание. Старуха обернулась. На полу, у входа в спальню, прислонившись к дверному косяку, сидел Мужчина.

– И давно вы тут?, – спросила Ядвига, подавив испуг.

– Достаточно, чтобы многое услышать, – просто ответил он.

Хозяйка вздохнула, укоризненно цыкнув зубом на Кошку:

– Опять дверь не закрыла, бестолочь хвостатая!... Ну что ж теперь. Пойдёмте чай пить...

И старуха рассказала Мужчине все. Про себя, молодую и красивую полячку Ядвигу. Про мужа Костаса, честолюбивого военного. Про сыночка Вацлава, медленно угасавшего от такой же болезни, с которой нынче боролась их Машенька. Про страшный лагерь смерти и новые методы лечения. Которые помогали... Мужчина слушал, не перебивал. Кошка, вот вертихвостка престарелая, вспрыгнула ему на колени, как ни в чем не бывало, и даже позволила себя гладить. Чудеса.

А в конце разговора Баба Яга сняла с пальца изумрудный перстень, и вложила его в руку Мужчине. Сказала:

– Мне послал вас Он. Тот, в которого я не верю. Тот, чьего суда я больше всего боюсь. Я знаю, Машу можно вылечить – ваши врачи уже многое умеют. Кольца хватит и на это, и ещё на целую жизнь для вас троих, в каком бы королевстве вы не решили ее прожить. Теперь мое наказание закончится, я чувствую! Мне пора, я отмучилась. А Машенька будет жить... И все у вас будет хорошо. Я это знаю.

...Они просидели так почти до самого утра. Потом Мужчина, попрощавшись с соседкой, взял Машеньку на руки, и унёс домой. А на следующий день они проснулись он стука

в дверь. Соседи пришли сообщить, что ночью умерла вредная бабка из 6 квартиры, и ее увезли какие-то незнакомые личности в чёрных костюмах. Мужчина с дочерью переглянулись изумлённо, затем отец девочки медленно сунул руку в карман одетых наспех брюк, и достал оттуда невозможной красоты перстень с изумрудом. Камень засиял так же ярко, как глаза его дочери в ясный, солнечный день.

– Бог простил пани Ядвигу, правда, папа?

– Видимо, так и есть, милая. Видимо, так и есть.

Примечание

Незадолго до вторжения немецких войск на территорию СССР, в 1939 году, по дружескому соглашению Россия и Германия вторглись с двух сторон на территорию Польши и разделили ее по обоюдной договорённости. Польское правительство при этом трусливо бежало в Румынию, бросив своих генералов в растерянности и не оставив никаких указаний. Возможно, именно в этом факте кроется нежелание поляков вставать на сторону СССР. Так же, известно, что многие из них приняли сторону Гитлера, и позже возглавляли самые жестокие отряды СС. По официальным источникам, около 500.000 поляков вызвались добровольцами в фашистскую армию под знамёна вермахта «за защиту Европы от большевизма». Так же, на территории Польши был организован один из самых страшных концентрационных лагерей – Освенцим.